

О ХАРАКТЕРЕ РЕАЛЬНОСТИ. ОЧЕРК СОЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

К. И. Потапова

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 2 июня 2016 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию социальной реальности в рамках социальной феноменологии, предлагающей (П. Бергер, Т. Лукман) двухуровневую теорию конструирования реальности, анализ которой позволяет выявить основную черту, конституирующую социальное бытие в качестве со-бытия, – интерсубъективность, чья специфика раскрывается через понятие взаимодействия между индивидами (Я – Другой), рассмотрение которого выявляет основные процессы, составляющие понятие взаимодействия и устанавливающие его в качестве принципа, конституирующего социальное бытие.

Ключевые слова: социальная реальность, конструирование реальности, объективная реальность, субъективная реальность, интерсубъективность, Другой; взаимодействие.

Abstract: this article investigates social reality in the frame of social phenomenology suggesting (P. Berger, T. Luckmann) the two-level theory of the construction of reality. The analysis of it reveals that the main point which constitutes social being as a co-being – is a phenomenon of intersubjectivity. The specificity of it based on the concept of interaction between individuals (Me – Other), which shows us the major processes that make up the concept of interaction and consider it as a principle constituting social being as such.

Key words: social reality, construction of reality, objective reality, subjective reality, intersubjectivity, Other, interaction.

Проблематика социальной реальности стала центром обширных областей социологии и социальной философии в XX столетии: произошло «открытие» повседневности и ее особой логики, неоднократно поднимались вопросы о характере реальности, рассматриваемом с различных позиций: функционализм, бихевиоризм, феноменология, экзистенциализм и проч. Перенос внимания с абстрактно-метафизических конструкций на «саму жизнь» отличает современное мышление от мышления непосредственных предшественников: поскольку мы мыслим здесь и сейчас, на это «здесь и сейчас» более невозможно было не обращать внимания.

Наше существование-в-мире обусловлено самим миром; так называемая реальность наделяется особым характером, отличающим ее как от мира физических вещей, так и от духовных сущностей и идеализаций. Мы находимся в мире, объективно данном не только как природное или культурное; родившись, человек в первую очередь сталкивается не с вещью или идеей, а с другими людьми, окружающими его. Это окружение

и составляет первичное понимание мира как мира людей и связей между ними. Семья, люди, с которыми мы находимся в родстве, выступает так называемой «первичной группой» [1, с. 179], – главной задачей которой выступает погружение нового члена в существующий мир, воспринимаемый как данность, знакомство с его порядком и передача норм и правил поведения в этом мире, закрепляемых в процессе воспитания. Итак, родившись, мы уже встроены в некую систему, придуманную не нами, и, скорее всего, даже не нашими родителями; согласно положению предков, современников и возможных потомков, мы занимаем определенное место в этой системе, называемой обществом или социумом.

Общество предстает прежде всего в качестве объективной реальности, т.е. реальности, «экстериоризированной (освобожденной от продуцирующих ее акторов) и объективированной (конституированной мирами объектов, отделенных от субъектов)» [2, с. 85]. Проще говоря, мы попадаем в мир, существующий по установленным нормам и предписаниям, которые разделяются с другими людьми, вне зависимости от личности каждого индивида.

П. Бергер и Т. Лукман, рассматривая общество как объективную реальность, отмечают [3, с. 90–99]: положим, мы наблюдаем момент взаимодействия двух незнакомых между собой индивидов А и В. При взаимодействии они сталкиваются с необходимостью организации и согласования своих действий друг с другом для того, чтобы выжить, скажем, в условиях необитаемого острова. Им приходится выстраивать систему отношений заново. Изначально, действие каждого из них носит характер привычки: «любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабиитуализация означает, что мое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и тем же практическим усилием» [там же, с. 90]. Наблюдая за действием А, и анализируя его, В, устанавливая мотивы этого действия, отмечая его внутреннюю «логику», типизирует действия А. Аналогичным образом А наблюдает и устанавливает системы типизаций для В. Процесс взаимного типизирования приводит к зарождению и развитию институционализации, которая «имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [там же, с. 92]. Речь идет о закреплении в сознании типизаций действия для дальнейшего установления структуры типов с точки зрения функций, норм, обязанностей и прав. Для того чтобы приобрести устойчивость, любой институт должен быть узаконен и объяснен, т.е. пройти легитимацию, делающую «объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации» [там же, с. 151]. Именно легитимация закрепляет некую привычку, превращая ее в правило. Легитимация имеет несколько уровней – от единичного до создания символического универсума – целостной системой фиксации и интерпретации реальности, объясняющей и упорядочивающей все.

Структура социальности определена порядком, установленным функционально; укорененность в институтах, невольное следование законам функционирования социального мира и представляют собой объективное воплощение социальности.

Но социальная реальность есть не только фиксированная и закреплённая объективная данность, способная привлечь к себе наше внимание; она также предполагает процесс социализации каждого конкретного индивида, т.е. вхождение в общество, принятие его «правил игры». Субъективным воплощением ее выступает «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [там же, с. 213], где выделяются первичная социализация (подготовка к жизни в обществе вообще, происходящая еще в детстве, вводящая ребенка в этот мир, заканчивающаяся личной идентичностью) и вторичная социализация (профессиональное ориентирование, происходящее во вторичных группах, осуществляемая незначимыми Другими – представителями институтов).

Теория социального конструирования реальности, предложенная П. Бергером и Т. Лукманом, согласно которой «создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное» [там же, с. 86], а социальный порядок выступает «продуктом человеческой деятельности» [там же, с. 88], предполагает интерпретацию социального мира как результата взаимодействия людей. Реальность же этого мира, социальная, понимается двояко: как объективная реальность (объективированные и экстернализированные результаты взаимодействия, закреплённые в сознании членов общества как исторически установленные социальные институты) – результатом которой выступает представление об обществе как о существующей независимо от желаний и способностей отдельного индивида «всеобъемлющей и данной реальности, с которой индивид сталкивается, наподобие реальности природного мира» [там же, с. 99], и как субъективная реальность (субъективированные и интернализированные процессы и механизмы вхождения в установленный объективный порядок, обладающий легитимностью) – результат которой – придание объективным процессам субъективной значимости: «непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как определенного значения, то есть как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» [там же, с. 211].

Социальная реальность, понимаемая как диалектическое единство объективного и субъективного смысла реальности, есть способ быть во взаимной зависимости с окружающими субъектами. Эта связь есть актуальное или потенциальное взаимодействие, понимаемое не только на уровне телесности и вербальности, но и ментально, в том числе и как преемственность, традиция, авторитет. Социальная реальность есть мой мир отношения к Другому, в который погружен я сам как деятель и всё, окружающее меня. Социальность интересубъективна, что, однако, предполагает не столько множественность существующих в одном простран-

стве-времени отдельных монад, каждой из которых присуща внутренняя способность к конституированию мира, т.е. установлению его границ и рамок, маркирование в качестве «моего», сколько утверждает со-зависимость и со-причастность друг другу, нахождение в расположенности, т.е. взаимодействие отдельных Я на основе признания и понимания этого Я в каждом участнике, что и позволяет устанавливать не отдельно существующие миры, но единый мир как универсальный горизонт любого возможного опыта. Таким образом, именно взаимность, связь между, как конституирующее мир всего человечества, есть ключ к пониманию социальной реальности.

Поле существования, обозначенное как социальная реальность, не развертывается линейно, более того, двоичная система координат и предложенная топология П. Бурдьё [4, с. 49–64] также не являются исчерпывающими для его описания, ибо необходимо исходить из понимания многомерности социальности, где значимы и объективация, выраженная в социальном порядке, и субъективация, предполагающая мой мир как поток актов переживания, т.е. интерпретирующая Его в качестве конституирующего принципа [5, с. 385–393]; более того, субъективность, как всегда уже бытие-в-мире, должна не только устанавливать некие системы и правила для каждого, воспринимаемые с детства, а также основывать и обосновывать мир, данный мне, но и определять Другого, ибо этот мир, также принадлежащий мне, как и ему, есть результат нашего взаимодействия. При таком понимании субъективность трактуется как «работа» моего сознания, чья опосредованная направленность на объекты мира конституирует его в качестве моего, мира, в котором Я имеет дело с чем-либо, где Я может действовать, устанавливая и определяя свое «жизненное» пространство. Впрочем, я и имею лишь собственное сознание; «Я не могу обладать сознанием Другого», о чем писал М. Мерло-Понти [6, с. 60], однако я выстраиваю предположения, что Другой также обладает сознанием, его действия по отношению ко мне, например, являются осознанными, речь – осмысленной, и, более того, он также обладает своим «собственным миром», т.е. представлениями, чувствами, переживаниями, а также личным восприятием внешних объектов, как и я, хотя и отличным от моего. Это представление о недоступном непосредственно, основанное на восприятии видимых сторон Другого: его тела, поступков, слов и проч. есть аппрезентация. Однако само это представление также укоренено в сознании.

В феноменологии, которая не стремится выйти за пределы опыта: «наша теория... не хотела и не могла быть ничем другим, кроме как истолкованием смысла... на основе конститутивной активности... опыта» [5, с. 435], утверждается переворот, подобный кантианскому: мне, как Его, т.е. в направленности, дан мир. Исходить стоит не из того, что мы каким-либо образом имеем дело с грубой внешней действительностью, изучая и описывая ее так, как она открывается нам, но наоборот, что именно мы и есть смыслообразующее в этой действительности, существование которой и не ставится под сомнение. «Действительность есть нечто

грубое. В ней нет смысла» [7], – отмечал Ч. С. Пирс; говоря о реальности, мы, так или иначе, подразумеваем некий смысл, т.е. имеем дело со значимостью чего-либо для жизнедеятельности в непосредственной близости нашей ориентации, «не сомневаясь в существовании» [8, с. 423] (А. Шюц предлагал именно таким образом интерпретировать понятие эпохе: как воздержание от сомнения) этого значимого. В таком контексте отдельных значимостей, а следовательно, различных миров, которые могут пересекаться между собой, но не совпадать, – как возможно понимание объективного мира, общего универсума, в котором вершится общественное бытие, как возможна некая единая социальная реальность? Другой существует реально, как и чашка на моем столе, ибо я могу получить некий опыт общения с ним, как сопротивление мне. Однако вещь в данном случае лишь чувственно данное, на что я могу направить свое внимание и получить ощущения температуры, цвета, вкуса и проч. или использовать ее по назначению – налить чего-либо. С Другим дело обстоит иначе: он наличен, как и тело, но также и самодостаточен, как Ego, он – Alter Ego. На основании чего Я выделяет Другого среди прочих элементов мира? Почему я устанавливаю его в качестве иного Ego? Мое сознание конституирует мир, наделяя его смыслом, но оно также сталкивается с иной активностью, выраженной в действии, принадлежащей другим людям (всё то, что может быть названо культурой, продуктами ее деятельности), воспринимаемой по аналогии с собственным действием. Я как первоначально-определенная самость находится в расположенности к Другому, а также в Ego расположении. Аналогии опыта устанавливают конститутивную возможность этого Чужого как Ego: мы предполагаем, исходя из собственного опыта, общих типизаций, а также аппрезентации, конструктивно-конститутивный характер другого человека, воспринимая его не только телесно, как вещь, но и в качестве обладающего сознанием. В случае множественности «Я» то, что изначально полагалось субъективным, – реальность – оказывается не суммой разрозненных миров, очерченных местом и пониманием себя каждого по отдельности, но предстает универсальным полем со-бытия и смысла на основании интерсубъективности. Более того, предполагается не просто активность как «нахождение между» субъектов во взаимодействии по тем или иным правилам или всегда последующая реакция для любого действия; но именно это «другое» позволяет нам обратиться к самим себе, ибо «мне нужен Другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия» [9, с. 278]. Я для другого есть Другой, и, именно благодаря этой возможности, я есть Я.

Многослойная паутина социальности предполагает не только «физику», т.е. телесные реакции живого, определенные его витальными потребностями, но и логику, как развитие и пути достижения цели, этику или прагматику, как регулятив в выборе ориентира и постановки цели, и проч. И Я, и Он есть субъекты, расположенные друг к другу. Само взаимодействие реализуется на основании: 1) сугубо индивидуальных библиографических ситуаций, обуславливающих мотивы действия; 2) общего типизирования, открывающего возможность прогностики, сле-

довательно, предположения об успешности действия; 3) представления о взаимности перспектив субъектов в общесмысловом поле; 4) выборе когнитивного стиля взаимодействия [8, с. 481–486]. Эти моменты согласованы между собой; если первое уникально, второе и третье – универсально, то четвертое предполагает вариативность, от которой зависит общее понимание участников взаимодействия («говорить на одном языке»). Человек всегда, находясь в расположении к чему-либо или кому-либо, имеет некое мнение на счет этого (вещи, события, явления, действия и проч.), он обладает так называемым предпониманием, которое суть есть забежание вперед, предположение об объекте внимания, направленное вперед, имеющее дело с «будет так-то и так-то», прогностика разума, основанная на принципах рассудочной деятельности, касательно конкретной ситуации. Однако это предположение имеется до непосредственного контакта с объектом: это еще не понимание, но некое смутно уловимое очертание «что» и «как» объекта, ориентир к его «где» и «когда». Мы обладаем подобными установками не только касательно внешне данного мира, но и при отношении к Другому, вне зависимости от выбранного стиля взаимодействия. Предпонимание следует отличать от «усредненного понимания-мнения» (толки), которое чаще всего оказывается ложным. Наше ожидание чего-то, первичное понимание может быть ошибочным или неполным: будучи основой, отправной точкой, предпонимание (чего-либо) нуждается в том, чтобы стать пониманием. Для этого следует не только «познакомиться» с объектом, но и интерпретировать его, что заставляет по-новому взглянуть на этот же объект, что, в свою очередь, предполагает возможность корректировки первичного толкования и т.д. Это движение по кругу в понимании, углубляющееся каждый раз, есть сущностное свойство «самого истолковывающего» Я [10, с. 153].

Понять Другого – значит понимать себя, что возможно только в обращении к этому Другому: он нужен мне конститутивно, как и я ему. Это бесконечное движение (в пределах жизни индивида) и есть интересубъективность, основой которой выступает феномен понимания, исходящий из контекста ситуации, которая выступает его фоном; этот контекст определяет правила интерпретации ситуации. Каждый раз, вступая во взаимодействие с кем-либо, мы как бы начинаем новую игру, правила которой формируются нами, но могут быть понятны любому члену общества, понимающему язык и знающему фон; они социальны и обусловлены жизнедеятельностью человека. «Жизненный мир – это повседневный мир типических человеческих действий, в котором люди не сомневаются в существовании других людей, а также социальных институтов, интересубъективных норм и ценностей (не говоря уж о существовании природных явлений)» [11, с. 68]. В таком варианте предполагается некое универсальное поле смыслов и значимостей (выраженных в языке) в рамках социальной реальности, характер которой определяется как смыслообразующее.

Итак, отметим, социальная реальность – многомерное явление, обладающее не только объективным и субъективным характером, но суть интересубъективное образование (результатом чего выступает возмож-

ность понимания объективной реальности и субъективной реальности), основанное на взаимодействии индивидов, опирающемся на конструкты понимания, т.е. взаимной «расположенности» Я и Другого.

Литература

1. Кули Ч. Х. Первичные группы / Ч. Х. Кули // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренъкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
2. Коркюф Ф. Новые социологии / Ф. Коркюф ; пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой ; науч. ред. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии. – СПб. : Алетейя, 2002. – 172 с.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
4. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье ; пер с фр, под общ ред. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
5. Гуссерль Э. Избранные работы / Э. Гуссерль ; сост. В. А. Куренной. – М. : Территория будущего, 2005. – 464 с.
6. Мерло-Понти М. В защиту философии / М. Мерло-Понти ; пер. с фр., прим. и послесл. И. С. Вдовиной. – М. : Изд-во гуманит. лит., 1996. – 248 с.
7. Пирс Ч. С. Феноменология / Ч. С. Пирс // Избр. произведения. – Режим доступа: http://philosof.onu.edu.ua/elb/articles/bogataya/bogataya_6.pdf
8. Шюц А. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
9. Сартр Ж. П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 432 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб. : Наука, 2006. – 450 с.
11. Кравец А. С. Субъективный смысл и его понимание / А. С. Кравец // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. – № 4. – С. 37–82.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Потапова К. И., аспирант кафедры социальной философии Института социальных и политических наук

E-mail: potapovaksu@yandex.ru
Тел.: 8-965-534-63-68

Ural Federal University of the first President of Russia B. N. Yeltsin

Potapova K. I., Post-graduate Student of the Social Philosophy Department of the Department Philosophy of the Institute of Social and Political Sciences

E-mail: potapovaksu@yandex.ru
Tel.: 8-965-534-63-68